

НАИМЕНОВАНИЯ ПТИЦ ОТРЯДА ВОРОБЬИНООБРАЗНЫХ В СЕЛЬКУПСКОМ ЯЗЫКЕ¹

В статье рассматриваются наименования птиц отряда воробьинообразных в селькупском языке. Проводится систематизация и морфемное членение орнитонимов, которое способствует восстановлению их значения для данного этноса. Выделяются номинативные признаки рассматриваемых наименований.

Ключевые слова: селькупский язык, орнитоним, номинативный признак.

Для селькупского этноса представители животного мира являются тотемными существами, которые служат объектами поклонения. Представители фауны могут выступать главными героями селькупских сказок и мифов, что подтверждает особое отношение селькупов к животному миру [1]. Являясь одним из основных лексических пластов, зоонимическая лексика представляет особый интерес для рассмотрения. Наименования животных, птиц, насекомых и рыб хранят в себе тайны, которые раскрываются в процессе лингвистического анализа и привлечения этнографического и мифологического материала. Обращаясь к кумулятивности языка, мы обнаруживаем информацию о мировосприятии, взаимоотношениях человека и окружающего мира.

К зоонимической лексике относятся зоонимы, орнитонимы, инсектонимы и ихтионимы. В рамках группы орнитонимов выделяются отряды курообразных, соколообразных, гусеобразных, ржанкообразных, голубеобразных и др. Предметом данного исследования являются наименования птиц отряда воробьинообразных во всех селькупских диалектах, а также выявление их мотивировочных признаков. Отряд воробьинообразных представлен 16 наименованиями, общее количество фонетических вариантов составляет более 60 лексических единиц.

К отряду воробьинообразных в селькупском языке относятся:

1. *Наименования вороны и ворона.*

Ворона (ворон) является частым персонажем в фольклоре селькупов. В культуре самодийцев ворон – редкий гость на севере, его появление приносит несчастье. Если ворон садится около чума, нганасаны считают, что в этом чуме быть мертвецю [2]. В монографии О. Б. Степановой мы находим сведения о проживающих на болоте Илынта ката, вороне-духе и вóроне-духе, в ведении которых находятся источники с живой и мертвой водой. Ворона и ворон воплощают в себе образ «старухи-свояченицы» (ее женское и мужское лицо) и испытывают селькупских девушек на разные умения и вежливость, впоследствии награждая их мужьями [3]. Существуют и другие предания, повествую-

щие о том, что ворона (*kir'a*) выступает спасительницей мальчика, у которого ведьма отрубила ногу [4], а черный ворон (*kule*) сторожит солнце Телы во время его трехдневного сна в глубоком ущелье [4].

В прошлом у тазовских селькупов было принято «кричать вороной» во время охоты на медведя, нарымские селькупы, в свою очередь, исполняя ритуальный танец вокруг добытого медведя, также подражали крику вороны. Таким образом, селькупы возлагали на ворону, ворона вину за убийство тотемного животного, так как ворона была божеством, равным по силе медведю, и ей был не страшен его гнев [3].

В селькупских диалектах ворона и ворон имеют разные названия, закрепленные за определенным видом. Принадлежность к женской и мужской особи передается лексически:

- а) «ворона»: сев. *kir'a* – юж. *kβire*;
- б) «ворон»: сев. *külä* – юж. *kule*.

В северных диалектах в качестве наименования вороны наряду с *kir'a* выступает также лексема *kōsra*, которая совпадает с наименованием кедровки *qozira*, если учесть, что в лексеме *kōsra* произошли фонетические изменения на стыке морфем через выкидку гласного, т. е. *kōsra* < *kōsira*. В южных диалектах наименование вороны *qβar'a* является в то же время наименованием кедровки, ср.: об. Ч *qβar'a* 'ворона': *qβar'a qarīn'et* 'ворона каркает', 'кедровка'. Данное обстоятельство позволяет считать, что словообразование орнитонимов проходило в своих истоках в сфере слов с определенным значением (цвет, звук, крыло, клюв и др.).

Мотивировочным признаком наименования вороны сев. *kir'a* – юж. *kβire*, *kβēr'e* могли послужить либо подвижная часть туловища (птицы, зверя, человека) – рука, крыло, хвост, ср.: об. Ч *qōrgu* 'взмахнуть (рукой)', 'потрясти (хвостом)', 'поболтать (ногами)'; *kōrgu*, *kōriḡu* 'крутить', 'качать', 'кивать', 'вилять'; *qarn'a* 'косолапый'; *qarta* 'колесо'; тым. *kūraku* 'махать', 'трясти'; *kūrdayalgu* 'махнуть', 'отмахивать'; *kūrtembugu* 'махать', 'обмахивать', либо окрас: кет. *qorendžugu* 'начертить', 'наколоть'; об. С, вас., тур. *qir* 'рана', 'оспа', иначе «точка», «черта». Лексемы тур. *kir'a*, *ker'a*; таз. *kārä* об-

¹ Выполнено при финансовой поддержке ГРНФ. Код проекта 11–14–70006а/Т.

наруживают общий элемент *kjir-* (и его фонетические варианты) в рассмотренных словах *qör-gu*, *kür-tembugu*, *kür-dayəlgu*, *qər-ta*, который является носителем общего значения.

Для лексемы *kjir'a* возможен еще один вариант трактовки мотивировочного признака. Он сводится к признанию тотемистического источника происхождения данного орнитонима, согласно которому данной лексемой обозначался дух – мифическая птица-медиатор «человек – зверь – птица». Синкретичный образ тотема складывается из элементов, которые выявляются из контекстов, включающих слова с рассматриваемым элементом *kjir-*:

а) звать, называться: тур. *qiriqo*; ел. *qirəqo* ‘звать’, ‘называться’: ел. *tan imamdi kutar qirotin?* ‘твою мать как зовут?»; об. Ч *kəriğu* ‘подозвать’; *kβerəgu* ‘звать’, ‘манить’; об. Ш *kβiriğu* ‘позвать’: *m'ižut šədeβi kβira aβ'em* ‘нас двоих позвала моя мать’;

б) промышлять (зверя, птицу): кет. *ter qβənnə qiriğu matt'onde* ‘он пошел промышлять в тайгу’; *man ess'em qirit qurru* ‘мой отец промышляет горностаю’, ср.: об. С *surusko* ‘промышлять зверя’ при *sur* ‘зверь’, ‘птица’; тым. *loyačəgu* ‘охотиться на лиса’ при *loya* ‘лиса’;

в) рычать (зверю), ворчать, греметь: об. Ч *qirbatku* ‘зареветь (человеку)’, ‘зарычать (зверю)’; кет. *qiriβbigu*, *qiriβbigu*; об. С *qirəmpəgu* ‘рычать’: кет. *qβəryə qirəmba* ‘медведь рычит’; тур. *qiriβpiqo* ‘ворчать’, ‘рычать’; об. С *qannom qirəmpən* ‘гром гремит’.

Аналогичный элемент вычленяется в структуре лексемы вас. *qirabo* ‘дерево для жертвоприношений’, иначе дух-еда, ср.: об. Ч *ab*, *abə* ‘еда’, ‘суп’, ‘злаки’, а также в структуре орнитонима тур. *kirba*, *qirba* ‘ласточка’. Северная форма орнитонима *kjir'a* сопоставляется с алтайскими **kari/*kori* ‘ворона’, ‘ворон’, пратунгусо-маньчжурской формой **kori* ‘мифическая птица-медиатор’; пратюркской формой **karga* ‘ворона’ [5].

Соответствием звукам *k ~ q* в северных диалектах является в южных диалектах не только *k*, но и *kβ*, ср. тур. *qiriqo* – об. Ч *kəriğu*, *kβerəgu* ‘звать’, ‘манить’; тур. *kä* – кет., тым. *kβä* ‘береза’. Такое звуковое соответствие встречается и в пределах северных диалектов. Оно отмечено в наименованиях ел. *kōsra* и тур. *kβazira* ‘ворона’ с общим компонентом *kōs-*, *kβaz-*, который в данных орнитонимах является носителем общего значения. Таким значением можно считать «мутный, темный», ср.: об. Ш *kozəlgü* ‘испачкать’; *kazirgu* ‘испачкаться’; об. С, Ш *kazirbigü* ‘испачкаться’, ‘быть грязным’; *kazirb'i* ‘мутный’, ‘грязный’, а мотивировочным признаком следует считать «окрас». В орнитониме *kβaz-ira* второй компонент совпадает со знаменательным словом кет., ел., тур. *ira* ‘старик’, ‘муж’. В лексеме ел. *kōsra* гласный в позиции между дву-

мя согласными подвергся элизии, а исходной формой по аналогии с сохранившейся *kβazira*, видимо, была форма *kōsira*. Но орнитоним *qōzira* имеет в елогуйском говоре значение ‘кедровка’ – птица-то-тем. На зафиксированном этапе истории языка исходная форма орнитонима *kōsira* ‘ворона’ наполняется новым содержанием ‘кедровка’.

Во всех диалектах наименования кедровки фонетически близки форме ел. *qōzira*, ср.: тур. *qoasira*; кет. *kazarə*; кет., тым. *qāziri*; об. Ч *qāyira*, *qayera*; вас. *kaçara*. Различия согласных звуков укладываются в ряд звуковых соответствий: *s ~ z ~ ç ~ γ*. В рассматриваемых словах общий элемент *-ira* (*-are*, *-iri*, *-era*) имеет в современных диалектах значение ‘старик’, ср.: об. Ш, Ч, тым. *ara*, об. С *arä*; об. Ч *ära*; кет., ел., тур. *ira*; об. С, Ч, кет., вас., тым. *era* ‘старик’, ‘муж’. Но в структуре рассматриваемых слов он выступает как десемантизированный элемент, который можно считать в данном случае показателем мужского пола особи, таким образом, род выражается на уровне семантики.

При внешнем несовпадении компоненты лексем *qōz-*, *qoas-*, *qas-*, *kaz-*, *qāz-*, *qāy-*, *qay-*, *kaç-* являются носителями общего значения. Для его выявления привлечем к анализу слова, в которых встречается аналогичная часть слова: вас. *qāy-ara* ‘кедровый мыс’ (место обитания духов рода, букв. ‘дух-старик’); об. Ш, Ч, кет., тым. *qaga*, *qāga* ‘могила’, ‘кладбище’, ‘покойник’ (иначе ‘дух нижнего мира’); об. Ч *quas-šünt'*, *kβa-šond'e*; тым. *kβaš-šond'e*; *kβač-šent* (*z ~ s ~ š ~ č* – ряд соответствий, ср.: об. С, кет. *mōzi*, тур. *māča* ‘хвост’) ‘сени’, букв. ‘дух-внутренность’; об. С *kβas-qilgu*; об. Ч *kβäs-kəlgü*, *qβiš-qəlgü* ‘дышать’, ‘вздыхать’, иначе ‘дух перебрасывать’. Для компонентов *kōs-*, *kβaz-* выявлено значение ‘мутный’, можно добавить значение ‘темный дух’ – дух нижнего мира. Преобладающим является цвет – «темный, мутный, грязный».

Наименования вороны выступают в диалектах в следующих вариантах: об. Ш, Ч, кет. *kule*; об. Ч, вас. *kule*; вас., тым. *qule* – таз. *küllä*. Материальное совпадение с лексемой об. Ч *kule* ‘клюв’ позволяет считать его мотивирующим признаком орнитонима, образование которого последовало в результате переноса части на целое. Актуализация клюва позволяет выделить номинативный признак «особенности строения тела».

2. Наименования дрозда, трясогузки.

Среди наименований дрозда отмечены: тым. *tj-gabola*; об. С *tjzaba*; об. Ш *tjzabala*; вас. *tjəpalakka*; кет. *tjška*. Сходный элемент вошел в наименование об. Ч *tikabaja* ‘трясогузка’. При морфемном членении слов ориентируемся на повторяемость общего элемента: *tjg-abo-la*, *tjz-aba*, *tjz-aba-la*, *tjy-apa-lakka*, *tjş-ka*, *tik-aba-ja*. Данный элемент имеет в исходде разные согласные: *g*, *k*, *s*, *z*, *γ*. Первые два входят

в ряд чередований $g \sim k \sim q$, в таком фонетическом облике мы встречаем данный элемент в лексеме тур. *tiqimprigo* ‘свистеть (о птицах)’, ‘скрипеть’: *toata tiqimpra* ‘дверь скрипит’. Выделяем номинативный признак орнитонима по первому элементу наименований – характер производимого птицей звука – свист. Второй элемент совпадает со словом об. Ш *aba* ‘бабушка (по отцовской линии)’, ‘сестра’, ‘тетя’; кет., ел. *apa* ‘отец’. Элемент *-la-* в лексемах *tig-abo-la*, *tiz-aba-la* и *tij-apa-la-kka* является основорасширяющим суффиксом, сохраняющим ее от разрушения [6, с. 16]. Элементы *-ka*, *-kka* и *-ja* – суффиксы уменьшительности [7, с. 34, 171–172].

3. Наименования ласточки.

В наименованиях тур. *qik'ija*; об. Ч *qagol'ika*; об. Ш *kogol'ikka*, *qoyol'iqqa*; об. С *qoyaika*; об. Ш, Ч, кет. *qoyol'ika*; кет. *qöqa*, *čakaj mōzi qβeka* общий элемент имеет вид *qik'-*, *qag-*, *qoγ-*, *kog-*, *qöq-*, *qβek-* при регулярном чередовании $k \sim q \sim qβ$. Данные элементы являются носителями общего значения, а остальные, в частности *-ija*, *-l'ika*, *-l'iqqa*, *-ika*, *-ka*, являются суффиксами уменьшительности. Исторически это были слова с самостоятельными значениями, они сохранились в современных диалектах: вас., тым., тур. *ija* ‘ребенок’, ‘детеныш’, ‘сын’; об. Ш *ikka* ‘сын’. В структуре орнитонима они подверглись десемантизации, слились с основорасширяющими суффиксами *-l*, *-a*. Для *qay-*, *kaγ-* выявлено значение ‘темный, мутный’ (см. наименование вороны и ворона), поэтому наименование ласточки считаем иносказательным – «темненькая» с мотивировочным признаком «окрас». Как отмечается в научной литературе, такие птицы, как об. Ч *qagol'ika*; об. Ш *kogol'ikka*, *qoyol'iqqa*; об. С *qoyaika* ‘ласточка’, ‘утка’, являются символами «нижнего мира» [8, с. 78].

Лексема может выступать родовым названием «птица». Составное наименование кет. *čakaj mōzi qβeka* отражает такой способ словообразования, при котором имеет место соположение слов с соответствующими значениями: раздвоение – хвост – птица. Так, компонент *čakaj* имеет общий элемент с лексемой об. Ш *čakā* ‘развилка’, второй компонент совпадает со знаменательным словом об. С, кет. *mōzi* ‘хвост (птицы)’: *tōroqan n'ap*, *tabjnan t'umbičika mozit* ‘на озере утка, у нее длинненький хвост’, третий является родовым именем «птица». Мотивировочным признаком послужил внешний вид птицы.

4. Наименование малиновки.

Наименование малиновки зафиксировано в тымском диалекте и представлено следующим вариантом: *n'arγa pidəl šundžeka*. Трехсоставное наименование включает компоненты: *n'arγa*, ср.: об., кет., тым. *n'arg*, *n'arga*, *n'argu*, *n'argi* ‘красный’, ‘рыжий’, ‘бурый’, ‘желтый’; *pidəl*, ср.: об. Ш *pid*; вас. *pīde*;

кет. *pīdā*; тур. *pīdāt* ‘грудина (у птицы)»; *šundžeka* ‘птичка’. Исходя из значений составных компонентов, трактуем данное наименование следующим образом: красногрудая птичка. Мотивировочным признаком является «окрас».

5. Наименования скворца.

Наименования об. С *seyaboγa*; *seyapoγa*; об. Ш *s'eyopoγa*; Ш *seyopoγat paja* сохранили структуру сложного слова. В них вычленяются два общих элемента: *seyā-poγa*. Первый имеет значения ‘черный’, ‘серый’: кет. *s'ey*; ел. *s'eya*; об. Ш, ел. *s'eq*; ел. *s'eya loqa* ‘серебристая лиса’; кет. *s'eyan* ‘черно’. Он определяет мотивировочный признак. Второй элемент совпадает с лексемой тым. *poga*, *poγa*; вас. *poγa* ‘пузырь (у птицы)’. Видимо, произошел перенос значения с целого на часть. Исходным значением лексемы тым. *poga* было ‘птица-зверь’, ср.: *pika* ‘бык’ (тотемное животное). Наименование скворца следует рассматривать как эвфемизм. Женская особь скворца передается лексемой *paja* ‘старуха’, ‘жена’ – *seyopoγat paja* ‘скворчиха’.

6. Наименования снегиря.

В диалектах наименование снегиря различаются: ел. *kilāt*; тым. *kelat*; кет. *tagaldža*. Первые два имеют общий элемент *kil-*, *kel-*, который материально совпадает с лексемой кет., тур. *kilī* ‘грудь (человека, птицы)’: об. Ч *tütay paktemba*, *ücedel'ikat kilond al'temba* ‘искорка взлетела, ребенку на грудь упала’; тур. *timtā n'arqiloal kilin ena* ‘дятел красногруден’ (ср. *n'arqiloal* ‘красноватый’, *kilīn* – составная часть именного сказуемого) [9, с. 58]. Орнитоним образован в результате переноса значения части на целое. Внутренняя форма второго элемента *-at*, *-at* неясна. Не исключено, что он входит в структуру орнитонимов об. Ш *atša*, *atča*; об. Ч, кет., тым. *ečča* ‘коршун’, совпадает также с элементом *at-* термина родства кет. *atta* ‘младшая сестра’.

Орнитоним кет. *tagaldža* по соотносительности элементов с самостоятельными словами может быть поделен на морфемы: *tag-aldža*. Первый элемент при регулярном звуковом соответствии $t \sim č$ имеет значение ‘белый’: об. Ч *čay*; об. С, Ч, вас. *čayā*; вас. *čako*, например, об. Ч *arlet čay qaup'ip* ‘повязи белый платок’. Второй элемент совпадает с термином свойства об. Ш *aldz'a* ‘свекор’, ‘тесть’. Как показывает материал, наименования снегиря имеют в диалектах разные номинативные признаки.

7. Наименование соловья.

Морфемное членение орнитонима об. Ч *üdaqöβ*: *üdaqöβ qβedželle lara* ‘соловей красиво поет’ на элементы затруднено, поскольку он зафиксирован в одном варианте. Тем не менее оно возможно – имеются орнитонимы, проявляющие общие элементы. Среди них ел. *üt's'* ‘куропатка’, об. Ч *üja* ‘иволга’, об. Ч, вас., тым. *ü* ‘куропатка’. Общим элементом является *ü*, что и позволяет провести следующее

морфемное членение: *ü-da-qöb, ü-t's', ü-ja*. Долгота гласного в орнитониме *ü* 'куропатка' свидетельствует о прошедших изменениях. Полагаем, что имело место сокращение двойного гласного, типа *uə, ue, uĭ*, ср.: об. Ч *qū – qōu* 'быстрое течение', 'стрежь'. В орнитониме *ü-t's'* стечение согласных также обусловлено фонетическими изменениями, в частности элизией гласного. Предполагаем, что слово имело вид *t'os'*, оно совпадает с лексемой кет. *tōs* 'дух (вне человека)'. В орнитониме *ü-ja* элемент *-ja* является суффиксом уменьшительности.

Что касается внутренней формы элемента *ü-*, то представляется возможным соотносить его с лексемой об. Ч *öb* 'голос': *mat qut öbər öndədžəyat* 'я человеческий голос слышал'. Во-первых, *ö* и *ü* составляют ряд регулярных звуковых соответствий [10, с. 37], во-вторых, *u ~ β* чередуются в ауслауте с *o* звука, ср.: об. Ч *qū ~ об. С, Ч qōu ~ об. Ш qöb* 'стрежь'. Таким образом, первый элемент рассматриваемых орнитонимов сократил свою внешнюю форму, утратив один из двойных гласных. Его значением было 'голос (человека, птицы)'. Природа второго элемента орнитонима *ü-da-qöb* неясна. Третий элемент *-qöb* с учетом звуковых соответствий *ö ~ ü* имеет общий элемент с орнитонимом кет. *kūβa*; об., вас. *kōu* 'тетерев (косач)'. Долгота гласного *ü* является следствием сокращения двойного гласного, который сохранился в лексемах об., вас. *kōu* 'тетерев (косач)'; кет. *kūūβatgu* 'распушить (перья)', 'встрепенуться', 'взмахнуть (хвостом)'. Есть основания полагать, что в структуре орнитонима *ü-da-qöb* последний элемент является родовым названием 'птица', которое образовалось в результате переноса значения с части на целое и обозначало 'оперение'. Затем обобщенное значение 'птица' стало наименованием тетерева, актуализируя его внешний вид. Лексема выступает также наименованием пихты, ср. кет. *kūe*. Речь может идти о совмещении значений 'оперение (птицы)', 'хвоя (дерева)', ср.: об., кет., тур. *tu* 'крыло (птицы)', 'плавник (рыбы)', 'ветка (хвойного дерева)'. Носителем мотивировочного признака орнитонима является первый элемент – голос.

8. Наименования сороки.

В северных диалектах отмечены два наименования сороки: тур. *palša* и *p'ača*. В южных диалектах орнитоним выступает в фонетических вариантах об. Ш, Ч, вас. *kāža*; об. С *kāza, qaza; qāza*; тым. *kāša, kāšə*; кет. *kasa, kassa, qāssä, kassat'e*; об. Ш, Ч, тым. *qāža; qādža*.

Номинативный признак орнитонима тур. *palša* восстанавливается при сопоставлении значений слов, обнаруживающих общий с орнитонимом элемент *pal-*. К их числу относятся данные южных диалектов: кет. *palsəmbugu* 'болтать': *qajm palsəmbugu* 'вздор болтать'; *palsəmbidi* 'болтливый'; об. Ч

pal'četiṁbigu 'болтать': *qaipta pal'četiṁbalt?* 'чего болтаешь?'. Таким признаком можно считать «издаваемый звук».

Другой номинативный признак лег в основу наименования сороки тур. *p'ača*. При учете регулярного звукового соответствия *p ~ p'* привлекаем к анализу слова об. Ч *pač'algū*; ел. *pač'alqo*; кет. *pat'olgu*; об. Ш *pad'algu* 'кlynуть': *kβir'e pad'annut pud'ense kanat tal'd'oβit* 'ворон кlynул кlynом в хвост собаки'; кет. *pad'attigu* 'клевать', 'долбить'. Номинативным признаком следует считать «повадки птицы».

В южных диалектах наименование сороки характеризуют две особенности: 1) наличие долготы гласного *ā*, которая является следствием сокращения двойного звука и 2) регулярные звуковые соответствия *s ~ z ~ ž ~ dž*.

Двойной гласный сохранился в наименовании кедровки тур. *qoasiri*, а звонкий согласный в форме ел. *qozira* 'кедровка'. Есть основания полагать, что наименование кедровки связано этимологически с наименованием сороки.

Номинативный признак орнитонима *kāza, qāža, qādža, kāša* 'издаваемый звук' устанавливаем на основе значения глаголов вас. *qadžgu* 'сказать'; об. Ч *kačaku*; об. Ш *qadžəgu, kačəegu* 'чихнуть'; об. Ш *kaškal'džəmbəgu* 'скалиться', обнаруживающих общий элемент *qādž-* (при чередовании звуков *dž ~ č ~ š*). Номинативный признак «повадки птицы» восстанавливается на основе значения глагола вас. *kač'βaččəgu* 'стучать кlynом (о дятле)' (при чередовании звуков *dž ~ č*). С учетом того, что имеются зоонимы, совпадающие по общему элементу с рассматриваемым орнитонимом, а именно, кет. *kās* 'колонок', *kās'* 'куница' (ср.: кет. *kasa, kassa* 'сорока'), об. Ч *kaš* 'колонок' (ср.: тым. *kāša* 'сорока'), считаем возможным вывести для элементов *kāz-, kāš-, kas-, qāž-, qādž-, kāš-* значение «птица-зверек», не исключено «птица-медиатор». Видимо, кедровка как птица-тотем является потомком птицы-медиатора «сорока». По крайней мере, об этом свидетельствуют языковые данные.

Различие наименований сороки в северных и южных диалектах можно объяснить тем, что их формирование проходило в локальных диалектных группах после выделения в XVIII в. северного ареала.

Однако следует заметить, что на данном этапе исследования выделение мотивировочных признаков для некоторых орнитонимов не представляется возможным в связи с затемненной внутренней формой. К подобным наименованиям относятся: об. Ч *üja* 'иволга'; об. С *ron'ž'e* 'роньжа'; тым. *patl b'it* 'синица'.

Результаты исследования орнитонимов отряда воробьинообразных показали, что словообразовательные модели наименований, отмеченные осо-

бенностями внешней формы, включают компонент со значением терминов родства, что указывает на связь человека и окружающего мира. Номинативные признаки, выделяемые в процессе обра-

щения к внутренней форме лексических единиц, сводятся к указанию на окрас, издаваемый характерный звук, особенности внешнего вида и повадки птиц.

Список сокращений

вас. – васюганский диалект; ел. – елогуйский говор; кет. – кетский диалект; нар. – нарымский диалект; об. – обский ареал (об. С, Ш, Ч); об. С – обские говоры Сюсюкум; об. Ч – обские говоры Чумылькуп; об. Ш – обский говор Шёшкун и Шёшкуп; тым. – тымский диалект; ср. – сравните.

Список литературы

1. Карманова Ю. А. Этимологическая лексика селькупского языка – хранитель мифологических представлений селькупов о мире // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2011. Вып. 9 (111). С. 130–133.
2. Хахалкина Т. В. Нганасанская зоонимия в становлении и развитии: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2002. 179 с.
3. Степанова О. Б. Традиционное мировоззрение селькупов. СПб.: Изд-во Петерб. востоковедения, 2008. 300 с.
4. Мифология селькупов / Н. А. Тучкова, А. И. Кузнецова, О. А. Казакевич и др. / под ред. В. В. Напольских. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2004. 382 с.
5. Дыбо А. В. Семантическая реконструкция в алтайской этимологии. Соматические термины (плечевой пояс). М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 389 с.
6. Сатеева Э. В. Основообразующие суффиксы имени существительного в селькупском языке: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2006. 167 с.
7. Беккер Э. Г., Алиткина Л. А., Быконя В. В., Ильяшенко И. А. Морфология селькупского языка. Южные диалекты. Томск, 1995. Ч. 1. 292 с.
8. Быконя В. В. «Медвежье» племя в структуре селькупского этноса (по лингвистическим данным) // Язык и культура: сб. науч. ст. XXI международ. науч. конф. 25–27 мая 2010 г. / отв. ред. С. К. Гураль. Томск, 2011. Т. 1. С. 75–82.
9. Селькупско-русский диалектный словарь / В. В. Быконя, Н. Г. Кузнецова, Н. П. Максимова / под ред. проф. В. В. Быконя. Томск: Изд-во Томского гос. пед. ун-та, 2005. 348 с.
10. Dulson A. Über die räumliche Gliederung des Sölkupischen in ihrem Verhältnis zu den alten Volkstumsgruppen // Sowjetische finnisch-ugrische Sprachwissenschaft VII. Tallinn, 1971. № 1. S. 35–43.

Карманова Ю. А., аспирант.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.

E-mail: kosmosila@inbox.ru

Материал поступил в редакцию 26.07.2012.

Y. A. Karmanova

NAMES OF PERCHING BIRDS IN THE SELKUP LANGUAGE

The paper considers the names of perching birds in the Selkup language. The ornithonyms are systematized and their morphemic divisions let us define their possible initial meaning for the Selkup nation. The aim of the paper is developing nomination characteristics of the considered ornithonyms.

Key words: *Selkup language, names of birds (ornithonyms), nomination characteristics.*

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: kosmosila@inbox.ru